

УДК 821.161.3-3:7.071*В.Короткевич

Неоромантическое восприятие мира в произведениях В. Короткевича, посвященных художникам

А.И. ЛЯШЕНКО

В данной статье анализируются некоторые аспекты наследия В. Короткевича, его мировосприятия и мировоззрения. Рассматривается неоромантическое восприятие окружающей действительности В. Короткевичем в его произведениях, посвященных художникам, которые до сегодняшнего времени почти не изучались в литературе. Выделяется основная тематика и стилистика творчества белорусского писателя.

Ключевые слова: художник, литературно-художественное явление, творчество, неоромантизм, мотивы.

Some aspects of the heritage of V. Korotkevich, his worldview and ideology are analyzed. The neo-romantic perception of the surrounding reality by V. Korotkevich is considered in his works devoted to artists, which until now has hardly been studied in literature. The main themes and stylistics of the works of the Belarusian writer are highlighted.

Keywords: artist, literary and artistic phenomenon, creation, neo-romanticism, motives.

Владимир Семёнович Короткевич – одна из самых ярких фигур белорусской литературы XX в., поэт, прозаик, драматург, публицист, литературный критик, переводчик. Он также владел и даром художника, хотя относился к этому весьма скептически. Так, в письме к Н.М. Молевой от 16.1.60 он пишет: «Ну, ладно, серию рисунков пока прекратил по явной бесталанности. Впрочем, Чехов рисовал и писал стихи, кажется, ещё хуже меня. Всё-таки маленькое утешение» [1, с. 251]. Далее сарказм по отношению к собственной значимости в мире изобразительного искусства только увеличивается. Он с усмешкой предсказывает, что его собственные рисунки «когда-нибудь будут по шамашедшей цене и продаваться как по невероятному мастерству, так и по тому, что это “я” своей головой дошел до таких вершин».

Н.М. Молева читала курс «Психология создания художественных произведений и психология восприятия художественных произведений» на Высших литературных курсах при Государственном литературном институте имени М. Горького, на которых учился В. Короткевич. Нина Михайловна была эрудированным специалистом по отечественной и зарубежной культуре: знала несколько иностранных языков, в соавторстве с мужем выдала шесть фундаментальных книг по европейской живописи. Для писателей со всего Советского Союза, среди которых были Виктор Астафьев, Новелла Матвеева, Римма Казакова, Раиса Ахматова, она открывала новый мир. Кроме того, были организованы экскурсии по «Золотому кольцу», в ходе которых писатели посещали заброшенные церкви и усадьбы. Для многих это было настоящим открытием и, несомненно, оказало влияние на дальнейшее духовное развитие и собственное творчество. Особенно на белорусского писателя, который выделялся своей импульсивностью, неординарностью, повышенным интересом ко всему новому и необычному. Так, церковь Покрова на Нерли, старославянские тексты, которые профессор читала с хоров в гулкой и радостной тишине храма, настолько впечатлили молодого поэта, что он написал стихотворение «Дзіва на Нерлі», которое посвятил Н.М. Молевой. Изумительный по своей красоте храм он сравнивает «з белай песняй у лугах залацістых», «з прыгожай нявіннай жанчынай», з «клічам адзвінеўшых стагоддзяў зямлі». Это своего рода безмолвный свидетель истории, чудом уцелевший в огне и дыме бесконечных пожаров. Не случайно церковь снилась тем, кто уходил к теньям на райские луга с «тенью улыбки в мокрых очах».

Несмотря на то, что сам В. Короткевич не считал себя романтиком («Я не пісьменнік рамантычнага складу. Хто хоча, каб я яго паважаў – хай здасць гэта азначэнне, гэты ярлык у архіў»), с этим нельзя согласиться полностью. И сам Владимир Семенович убеждает в этом: «Я, можа, больш чым хто, авантурыст, і жыццё падсоўвае мне і такіх людзей, і такія выпадкі,

якія не назавеш штодзённымі»).) Стоит согласиться с Иваном Штейнером, утверждавшим: «Ён – РАМАНТЫК. І прычым адзіны рамантык у гісторыі беларускай літаратуры, чый светапогляд і творчая дзейнасць цалкам адпавядаюць асноўным канонам рамантызму» [2, с. 7].

Принято считать, что особая заслуга В. Короткевича перед белорусской литературой заключается в создании оригинальных произведений на историческую тематику, выработке оригинальной концепции видения истории. Как никто другой, писатель сумел передать дух прошедших эпох, освоил забытые пласты национальной истории, создал особые характеры, раскрыл богатый духовный мир своих героев и связал их личную судьбу с судьбой народной. Именно Владимир Короткевич сделал очень много для развития возрожденческих идей, пробуждения национального сознания белорусов. Его творчество отличается исключительной романтизацией истории, высокой художественной культурой, патриотическим духом, значительной узнаваемостью и гуманистическим пафосом.

В душе своих героев В. Короткевич фиксирует упорную ментально-умственную борьбу между духовным (светлым) и животным (отталкивающим) началами, между философией конформизма, равнодушием ко всему окружающему и гуманистической идеей сопереживания, милосердия, взаимопомощи друг другу. Как один из самых ярких и выдающихся писателей XX в., В. Короткевич оказал значимое влияние на развитие такого литературно-художественного явления, как неоромантизм.

Неоромантизм, как самостоятельный жанр, зародился на основе неприятия буржуазного общества. Неоромантические писатели в своих трудах придерживались противостояния, с одной стороны, упадничеству, бытописательскому прозаическому натурализму, изысканной изнеженности эстетов, а с другой стороны, категорически отрицали реалистическую правдивость изображения реальной жизни. В этом плане особенно интересны произведения поэта, посвященные художникам.

Новаторским для белорусской литературы было введение в анналы национальной традиции имен великих художников разных эпох и столетий (Чурленис, Гойя, великих голландцев). Так, в стихотворении «Трызненне Мужыцкага Брэйгеля» В. Короткевич изобразил голландского художника середины XVI в. Питера Брейгеля, причем дал соответствующую ссылку (Пітэр Брэйгель Старэйшы, празваны «Мужыцкім» (памёр у 1569 г.), – славуты нідэрландскі мастак XVI ст., аўтар карцін «Падзенне Ікара», «Сляпяя», «Сялянскі танец», «Краіна гультаёў» і інш.) [3, с. 91]. Он создает фантазмагорическую ситуацию: якобы художник бродит среди обжорных рядов приморского города и в висящих тушах мяса в торговых лавках ему видится отображение духовного упадничества родины:

Індычкі ў папяровых панталонах,
Цяляты, ўзрошчаныя без вады,
На цёплым малацэ. Ігрушы шынкаў,
Што пахнуць горка елянцовым дымам
І часнаком. А ў ваннах ледзяных
Блажэнна парсюкі адпачываюць.
Для студзіны.
І ўся твая радзіма
Нагадвае такога парсюка [3, с. 91].

Перечисление обжорских соблазнов выполнено в стиле мастеров фламандской школы. Однако данный прием, чрезвычайно популярный у романтиков, необходим белорусскому поэту для контрастного изображения противоречий бытия. Мужичкий Брейгель (такое прозвище получил художник от современных ему критиков) ощущает глубокое непонимание своих соотечественников, чьи интересы ограничивались исключительно материальным благополучием и желанием лишь набить свои животы:

Павекі Брэйгеля прыкрылі зрэнкі.
Ён думае, што млынару з шынкаркай
Цудоўна будзе спаць на сенавале,
А там усё на свеце хоць бы што.
За сытасцю яны не заўважаюць,
Што шашаль есць іх дом, што іх абкрадуць,
І назву самую «край Нідэрландаў»
Забудуць спячыя. Пракляты край! [3, с. 92].

Именно в стиле поэтов-романтиков показан контраст между высокими идеалами и реальностью, осуждается духовное упадничество народа, равнодушное отношение к искусству, а также нежелание познать свободу:

Што ім да ўзлётаў і да летуценняў,
Да гожай мужнасці ў імя свабоды?
Яны валлѐ наб'юць – і пад пярыну.
Краіна гультаёў! [3, с. 92].

В пламенно-монологическом «Трызненне мужыцкага Брэйгеля», а также в его подтексте В. Короткевич описывает свои размышления и волнения о родном крае, о своем народе. Поэт, обращаясь к исторической ретроспективе, параллелям и аналогиям с прошлым, по сути высказывает свою патриотическую позицию и гражданскую тревогу:

Што ж ты пракінуўся, мужыцкі Брэйгель?
Шпурляй у твар ім горкія палотны,
Дражні, як бугая чырвонай хусткай,
Паказвай ім, сляпым, канец Ікара, –
Яны ж усё адно не зразумеюць [3, с. 92].

В основе произведений неоромантизма лежало романтическое несогласование мечты и действительности. Однако, применяя романтический подход, неоромантики значительно отличались от своих предшественников-романтиков. Неоромантизм расширяет границы влияния на читателя и обнаруживает глобальные изменения в коллективном опыте общества, где жить – значит бороться за счастливую судьбу Родины, победить зло и уберечь духовное (культурологическое, просветительское, интеллектуальное) богатство народа. Выражение «канец Ікара» навеяно аллюзиями на картину «Падение Икара», на которой показаны последние мгновения из жизни великого героя. Однако она может привести неподготовленного зрителя в замешательство. На переднем плане мы видим пахаря, рыбака, мореплавателя, однако нет заглавного героя, от которого остались только две ноги над водой. Через мгновение волны, поднятые падением тела, сомкнутся, и уже ничто не будет напоминать о трагедии.

Штож ты пракінуўся, мужыцкі Брэйгель?
Шпурляй у твар ім горкія палотны,
Дражні, як бугая чырвонай хусткай,
Паказвай ім, сляпым, канец Ікара, –
Яны ж усё адно не зразумеюць,
Хіба нашчадкі, можа? [3, с. 94].

А мир продолжит жить по своим законам. Именно поэтому от него необходимо спрятаться, скрыться, как поступали романтики в разные века. Или же стать глухим, чтобы не слышать земной несправедливости, как это сделал великий испанский художник Гойя («Глухі геній»):

Сон розуму пачвар раджае,
І пантуюць яны над ім,
Паветра крыкам запаўняюць,
Вішчаць і кідаюцца ў дым.
І вар'яцее мозг ад плачу
На самай праведнай з планет.
Чуць не магу!!! [3, с. 286].

Лучше не жить вообще, чем видеть слезы мальчика, идущего за телом матери. Никто уже не вытрет ему слезы: истина и правда умерла, умерла под веселый смех страшного мира, который и сам катится в небытие. Не случайно в стихотворении, посвященном литовскому художнику и композитору, В. Короткевич сравнивает земной шар с одуванчиком («Чурлѐніс»). И не только потому, что они круглые, шароподобные, несмотря на свои разновеликие размеры. Одуванчик в нашем сознании символизирует хрупкость, неустойчивость: мгновение – и от его красоты ничего не остается. Такова и наша Земля над обрывом вечности.

В произведениях неоромантического характера часто встречаются мотивы путешествия по экзотическим странам, а также мотивы поиска самого себя в жестоком и безжалостном мире, где разворачивается непримиримая борьба между добром и злом. Восприятие художественного ми-

ра читателем базируется на единстве возвышенного и трагического, а в самих текстах раскрывается тема преодоления трудностей согласно принципам неоромантического героя, который считает свободу выбора во всех сферах жизни не просто правом, а духовной необходимостью.

Во всех видах искусства, в том числе и в литературе, неоромантизм основывается на идеях романтизма, но дополняется принципиально новыми свойствами и признаками в плане выражения противоположных реализму тем, проблем, мотивов, образов. основополагающими признаками неоромантизма следует считать идеализацию лирического героя, обращение к национальному колориту, а также наличие в тексте мистических мотивов.

Так, в повести В. Короткевича «Ладья отчаяния», действия которой происходят в Великом Княжестве Литовском в XVI в., главный герой Гервасий Выливахо не вписывается в общепринятые нормы поведения. Будучи жизнелюбивым человеком, а также ценителем поэзии, он имеет весьма негативную репутацию среди большинства жителей. Однако главный герой, в отличие от всех остальных горожан, внутренне свободен и не скован общепринятыми правилами поведения, а именно: ханжеством, скупостью, жизненными перспективами, не простирающимися дальше заветной кубышки, набитой золотом и серебром.

Далее писатель вводит мистические мотивы в виде Смерти, которая приходит к главному герою и говорит, чтобы он собирался с ней на тот свет. В. Короткевич описывает путешествия Гервасия, а с ним еще нескольких жителей в царство мертвых, что явно представляет собой параллель путешествию Орфея в Аид. Гервасий был единственным, кто не утратил веры в лучшее будущее. Увидев это, Смерть предлагает сыграть ему партию в шахматы. В решающий момент, когда герой видит, что он проигрывает, ему приходит на ум мысль, которая подсознательно руководила всей его жизнью: «Поступай неожиданно, действуй не так, как принято, делай то, чего не делает никто – и тогда победишь». Таким образом, В. Короткевич открывает героя в самом обычном человеке, того, кто готов столкнуться с проблемами и свободно принять решение, в отличие от остальных людей, стеснённых общепринятыми правилами.

Для понимания концепции автора большое значение имеет баллада «Прарок Геронім Босх», также посвященная Н.М. Молевой. Поэт и на этот раз предваряет текст ссылкой (Геронім Босх – славути нідэрландскі мастак канца XV – пач. XVI ст. У такой яго карціне, як «Страшны суд», народная сатыра спалучаецца са змрочнай, кашмарнай фантазіяй. Дзіўнае супадзенне: на яго карцінах намалюваны машыны, якія падобны на танкі і сучасныя гарматы) [3, с. 89]. В произведении доминируют эсхатологические мотивы, характерные для всего средневекового искусства. Босх считает нашу Землю ареной борьбы божественного и дьявольского начала, добра и зла. Именно поэтому на триптихе изображена вся история человечества: сотворение мира; грехопадение; вечные страдания. Однако художник избегает простого копирования: все образы на его картине аллегорические, глубоко символические, что вызывает восхищение у белорусского поэта, склонного к подобному восприятию действительности:

І прарочыў дрэнным людзям
Геній Геронім Босх.
Сваёй неўтаймоўнай фантазіяй
Выклікаў ён пачварныя здані... [3, с. 90].

Владимир Короткевич продолжает традицию, когда литературные произведения зарождались под влиянием живописи. На многие вещи он смотрит глазами художника, что повлияло на тематику, стилистику, изобразительную систему его произведений и, прежде всего, на мировоззрение и мировосприятие.

Литература

1. Молева, Н.М. Высшие литературные / Н.М. Молева // Уладзімір Караткевіч: вядомы і невядомы : зборнік эсэ, вершаў, прысвячэнняў. – Мн., 2010. – С. 255–260.
2. Штэйнер, І. «Свет шчодры. Свет мяне паўторыць»: паэзія У. Караткевіча і класічныя традыцыі / І. Штэйнер. – Мн., 2008. – 120 с.
3. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мн., 1987. – Т. 1. Вершы, паэмы. – 481 с.